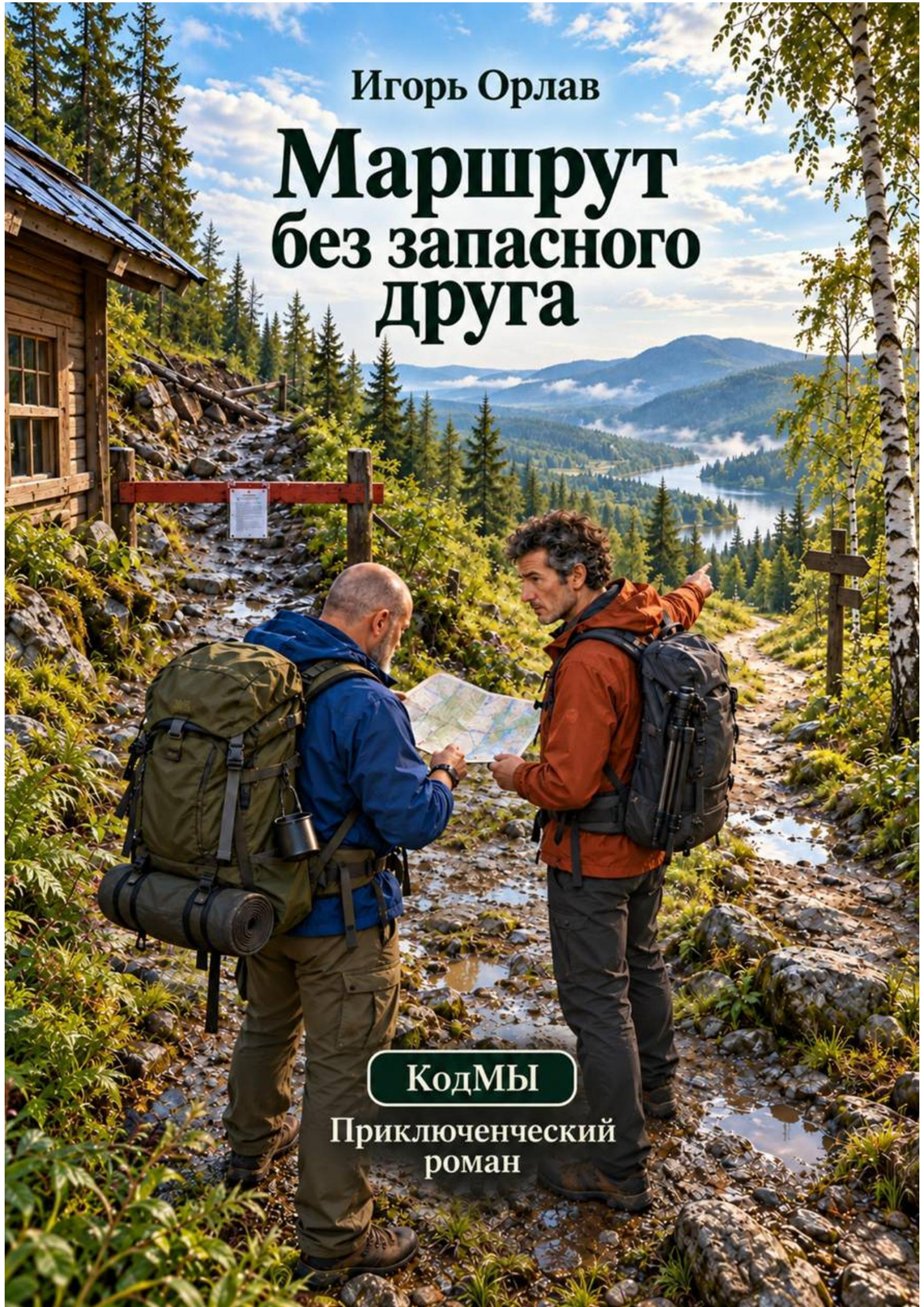

The background of the book cover is a detailed illustration of a mountain landscape. Two hikers are in the foreground, standing on a rocky, wet trail. The hiker on the left is bald, wearing a blue jacket and a large green backpack with a rolled-up mat and a cup attached. The hiker on the right has dark curly hair, wears an orange jacket and a black backpack, and is pointing towards the distance. They are both looking at a map held by the man in the orange jacket. To the left, a wooden cabin with a blue roof is partially visible. The trail leads into a lush green valley with a winding river and distant mountains under a blue sky with scattered clouds. A wooden cross-shaped sign is on the right side of the trail.

Игорь Орлав

Маршрут без запасного друга

КодМЫ

Приключенческий
роман

Игорь Орлав

Маршрут без запасного друга

«Автор»

2026

Орлав И.

Маршрут без запасного друга / И. Орлав — «Автор», 2026

Антон и Семён знают друг друга по воскресным фотопрогулкам. Девять дней пешком через горы кажутся естественным продолжением знакомства — пока ливень не разрушает часть тропы. Обход добавляет сорок километров, обратный поезд ждать не будет, а у одного из путешественников деньги рассчитаны почти впритык. Теперь им предстоит выбрать, чем поступиться: удобством, маршрутом или уверенностью в собственной правоте. Среди лесов, посёлков и смешных дорожных вывесок выясняется, как много они не знают друг о друге.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мостик через лужу	6
Глава 2. Восемнадцать километров	9
Глава 3. Красная перекладина	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Игорь Орлав

Маршрут без запасного друга

Персонажи, события и география этой книги вымышлены. Совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

Глава 1. Мостик через лужу

Семён вытащил из рюкзака жестяную коробку, открыл и обнаружил, что всё печенье превратилось в крошки.

— До начала маршрута осталось пятьдесят метров, — сказал он. — Первый запас уже потерян.

Антон подставил ладонь. Они стояли на остановке в Пороге, возле ещё тёплого автобуса. Водитель протирал стекло изнутри и старательно не замечал двух взрослых мужчин, евших печенье из коробки, как зерно из кормушки.

— На вкус целое, — определил Антон.

— Тогда беру слова обратно. Потеряна форма.

Они рассмеялись, и утро окончательно началось.

Посёлок заканчивался сразу за магазином. Дальше стояли три сарая, лопухи и жёлтый указатель к Мельничной поляне. Шестнадцать километров. Антон остановился под ним, посмотрел на время и застегнул пояс рюкзака. Ветер шевелил его тёмные кудри, поседевшие на висках. На длинном лице было выражение человека, которому наконец отдали собственную вещь. Шесть лет он собирался пройти от Порога через Седловину к Долгому озеру, потом спуститься к железной дороге. То заканчивался отпуск, то выставочный павильон требовал ещё двух дней работы, то приятели могли ехать только в другое место. В этом году он купил билет раньше, чем появились причины отменить поездку.

Семён нашёлся почти случайно. В ноябре они встретились на прогулке по заброшенной насыпи: Антон фотографировал бетонную опору, Семён — табличку, запрещающую ставить машины посреди берёзового леса. За зиму набралось семь таких воскресений, весной ещё пять. Семён не спрашивал, зачем снимать водопропускную трубу, если неподалёку есть усадьба. Антону нравилось, что не спрашивал.

— У нас больше ничего нет? — спросил Семён.

Он указал на остановку, под скамейкой которой лежала чья-то выцветшая перчатка.

Антон пересчитал ремни взглядом.

— Всё здесь.

Семён приложил широкую ладонь к наружному карману, где хранил билеты и документы. Его оливковый рюкзак был ниже и толще антоновского. Они уже шутили, что один несёт колонну, другой комод. У Семёна была бритая голова и короткая седеющая борода; из кармана синей ветровки торчала ручка. Даже в лес он взял ручку, и Антон собирался при первом подходящем случае это отметить.

Случай пока не наступил. Над третьим сараем висела доска: «РЕМОНТ ВСЕГО, КРОМЕ ДОРОГИ».

Семён снял рюкзак.

— Наша первая достопримечательность.

— Мы ещё не вышли.

— Тем более. Потом сил на достопримечательности может не остаться.

Он долго выбирал угол, чтобы в кадр вошли доска и лужа перед воротами. Антон обошёл лужу и позвал его с другой стороны. Через лужу были положены две доски на кирпичях. На одной остались следы маленьких резиновых сапог.

— Всё-таки дорогу тоже чинит, — сказал Антон.

Семён присел и сделал второй снимок.

Дальше они шли вдоль Ясны. Вода мелькала между ивами, широкая и почти бесшумная. В посёлке пахло железом и мокрой пылью, здесь запах стал прохладным. Антон втянул его

носом, точно проверяя, не испортилось ли что-нибудь за годы ожидания. Семён шёл следом, и жестяная коробка изредка звякала о пряжку.

К одиннадцати дорога поднялась над рекой. На обочине лежал поваленный столб, ещё соединённый с двумя соседними провисшей проволокой. Антон остановился: внизу, в просвете между ветками, виднелась прямоугольная тень старого причала. Он позвал Семёна посмотреть. Тот встал рядом, сперва ничего не увидел, потом наклонил голову.

— Будто кто-то оставил окно на воде.

Антон уже вынимал фотоаппарат.

В прошлые воскресенья у них возникла игра. На снимке должно было быть много пространства и одна небольшая человеческая попытка с ним справиться: мостик, лестница, скамья в неожиданном месте. Они не выкладывали фотографии сериями, не собирали оценки. Иногда обменивались двумя кадрами в мессенджере, иногда забывали. Этого оказывалось достаточно, чтобы среди недели ждать следующего выхода.

В полдень они сели у ручья. Семён достал хлеб, завернутый в полотняную салфетку, сыр и маленькую банку огурцов.

— Банку тащишь? — удивился Антон.

— Уже меньше половины. К вечеру тара станет общественной.

— Для чего?

— Пока не знаю. Но вещь с крышкой в хозяйстве не пропадает.

Антон взял огурец. У него были лёгкие пакеты, рассчитанные порции и ложка, вес которой он знал. Собираясь, он предложил Семёну прислать список снаряжения. Тот прислал фотографию разложенных на полу вещей. На фотографии рядом с ботинками стояла кошка, и Антон ответил, что кошку следует оставить. Всё остальное они как-то не обсудили.

После обеда тропа ушла в сосны. Идти стало легче: под ногами мягко пружинило, длинные корни попадались поперёк, как ступени. Семён насвистывал три такта, забывал продолжение, начинал заново. На четвёртый раз Антон потребовал завершить произведение.

— Я печатник, — объяснил Семён. — Музыкальная часть у нас на другой площадке.

Его небольшая типография закрылась в начале лета. Антон знал об этом ровно столько, сколько понадобилось для ответа «сочувствую»: помещение стало дорогим, партнёр ушёл, Семён остался с частью оборудования и заказами, которые теперь выполнял дома. В походе говорить о работе не хотелось. Семён тоже не начинал.

К Мельничной поляне они вышли в половине пятого. Остались четыре каменных столба, среди которых росли берёзы, и ровное место возле воды. Антон сразу указал, куда поставить палатку; Семён, уже сняв рюкзак, переступил через мягкую впадину и предложил сдвинуться на три метра. Под первой площадкой хлопало.

— Верно, — согласился Антон.

Дуги вошли в крепления легко, почти одновременно. Они подняли палатку, перекинули тент, развели растяжки. Впервые за день потребовалось делать одно дело двумя парами рук. Семён неправильно повернул последнюю дугу, Антон показал соединение, не беря её у него. Через минуту всё стояло.

Вечером они ужинали на плоском камне. Пустая огуречная банка стала подсвечником для маленького фонаря. Вокруг света кружили насекомые, и Семён сказал, что теперь у них есть собственный маяк, который никому не помогает.

Антон показал на телефоне дорогу после Седловины: светлый изгиб склона, озеро за ним. Семён придвинулся, чтобы не отсвечивал экран.

— Это уже в среду?

— Если погода позволит. У нас запас до воскресного поезда.

— В воскресенье в девятнадцать двадцать. Я помню.

— А в октябре можно ещё на север. Я тебе в календарь кинул.

— Видел.

Антон услышал согласие. Семён имел в виду, что видел уведомление.

Когда они легли, со стороны столбов донёлся короткий стук. Семён поднял голову, Антон прислушался. Повторилось: две сухие ноты, пауза, ещё одна. Капля падала с наклонной ветки на пустую кору.

— Музыкальная площадка, — сказал Антон.

В темноте Семён засмеялся. Палатка чуть качнулась от его плеча.

Глава 2. Восемнадцать километров

Утром Антон успел умыться и свернуть спальник, пока Семён искал второй носок. Носок лежал внутри первого. Семён предъявил находку, рассчитывая на сочувствие, но Антон уже держал пакет крупы.

— Выйдем в восемь?

— Если ты дашь мне хотя бы сесть перед завтраком.

Они вышли в восемь сорок. До Белого ручья предстояло восемнадцать километров с постепенным подъёмом. На карте линия не выглядела трудной. Антон отметил две боковые ложбины, после которых следовало держаться выше реки, и убрал карту в прозрачный чехол. Ему нравились такие дни: направление понятное, расстояние ощутимое, лес меняется понемногу.

Семён начал бодро. На первых километрах рассказывал о заказчике, который прислал макет вывески вверх ногами и требовал сохранить «авторскую композицию». Антон смеялся, не оборачиваясь. Позже смех стал доноситься слишком далеко, и Семён перестал рассказывать.

Сначала он решил, что просто не разошёлся. После короткой остановки подтянул пояс. Потом отпустил его обратно: пряжка давила на живот. Рюкзак не стал легче. Субботние шестнадцать километров уже находились в ногах и никуда оттуда не уходили.

На вершине первого подъёма Антон сидел на бревне и пил воду. Рядом лежал снятый рюкзак. Семён ещё шёл последние двадцать шагов, когда Антон встал.

— Дальше положе.

— Хорошо, — ответил Семён и пошёл дальше.

Он сам это сказал. Сказать «подожди» казалось почему-то труднее. В их воскресных компаниях никто не признавался, что устал: просто объявляли красивое место, замечали птицу, останавливались ради снимка. Сегодня всё интересное уже заметил Антон.

Через час повторилось то же самое. Антон ждал возле камня, потом поднял рюкзак, увидев Семёна. У него восстановилось дыхание, у Семёна ещё нет.

— Дай мне пять минут, — сказал наконец Семён.

— Конечно.

Антон остался стоять. Его рука лежала на лямке, корпус был слегка подан вперёд. Семён смотрел на эту позу и не мог отдыхать. Он выпил два глотка, подвинул языком крошку с зуба и через минуту встал.

К обеду они дошли до старой насыпи. В сухой траве выступали прямоугольные камни. Ни рельсов, ни шпал не осталось, но дорога ещё держала ровную линию среди неровного леса. Антон оживился, вытащил фотоаппарат и стал подниматься на склон.

— Я здесь, — сказал Семён.

Он сел, снял ботинки и разложил обед. Прошло десять минут, потом ещё пятнадцать. Антон переходил от одной берёзы к другой. Наконец Семён позвал:

— Сыр на свету плавится.

— Сейчас. Тут столб в просвет попал.

Семён завернул сыр, положил в тень. Ему было стыдно сердиться: ради таких мест они и приехали. Он взял фотоаппарат и тоже попытался увидеть столб. Получался просто столб.

Антон вернулся довольный. Показал кадр: вертикаль старой опоры, тонкая светлая полоса дороги, маленький жёлтый лист на переднем плане. Снимок был хорош. Семён сказал это без всякой уступки. Потом спросил, сколько им ещё идти.

— Восемь с небольшим.

— До обеда я почти не отдыхал. Только сейчас, пока ты снимал, нормально посидел.

— Мы же останавливались.

— Ты останавливался. Когда я подходил, мы продолжали.

Антон посмотрел на недоеденный хлеб в руке. В его памяти день был полон пауз. Он успел рассмотреть корень, поправить карту, переложить куртку; Семён всё это время приближался к нему по тропе.

— Почему ты раньше не сказал?

— Сейчас сказал.

До ручья они шли вместе. Антон сдерживался, отчего шаг стал нарочито коротким. Семён видел усилие и от этого злился ещё больше. В середине подъёма он предложил Антону идти как удобно.

— А потом опять окажется, что я тебя гоню?

— Я не говорил, что ты гонишь.

— Ты сказал, что я тебе не даю отдыхать.

Впереди хрустнула ветка. Оба одновременно посмотрели туда, словно кто-то третий мог прекратить разговор. В кустах никого не было.

Антон остановился и прислонился к дереву.

— Давай десять минут. Для обоих.

На этот раз он снял рюкзак. Семён сел на него боком, достал хлеб и доел. Через некоторое время Антон спросил, что за птица кричала возле насыпи. Семён не знал. Они попробовали изобразить крик, получили двух совершенно разных птиц и почти помирились.

Белый ручей оказался не белым, а прозрачным, с рыжеватыми камнями на дне. Уже стояла чужая палатка далеко от воды; её обитатели махнули им и продолжили готовить. Антон нашёл ровное сухое место, дождался Семёна. Было почти шесть.

Весь день уложился в восемнадцать километров. Семён не понимал, почему эти восемнадцать оказались длиннее обычных двадцати пяти по пригородной дороге. Антон не понимал, почему так вымотался, хотя шёл медленно. За ужином оба старались не обсуждать завтрашний темп.

Сумерки пришли вместе с ветром. Облака закрыли узкую полосу неба над соснами. Антон проверил растяжки, Семён убрал под тент ботинки и жестяную коробку. Дождь начался после одиннадцати: сначала отдельные тяжёлые капли, потом сплошной шорох.

Семён проснулся оттого, что Антон приподнялся на локте. Тот прислушивался к воде за палаткой.

— Мы нормально стоим? — спросил Семён.

— Да. Ручей ниже. Просто слушаю.

Семён тоже послушал. Вода, ударявшая в тент, казалась близкой и большой, но внутри было сухо. Он нащупал фонарь в банке, убедился, что знает, где тот лежит, и снова заснул.

Глава 3. Красная перекладина

Утром на тропе лежали ветки. Их приходилось переступать, иногда отодвигать концом палки. Ясна, которую они снова увидели внизу, стала шире и темнее. Антон остановился на повороте, долго рассматривал противоположный склон, потом сверился с картой.

— До кордона двенадцать. Там спросим про верх.

Он произнёс это спокойно, и Семён не спросил, что именно следует спросить.

Сегодня Антон ждал иначе: садился только тогда, когда Семён доходил. Иногда нетерпение всё же заставляло его трогать пряжки, но он оставался на месте. К половине двенадцатого показалась высокая крыша. Над ней висел мокрый флаг, прилепившийся к древку.

Верхний кордон стоял на плоском выступе. Дом, дровяник, два щита с картами. Восточная тропа уходила между елями; поперёк неё была опущена красная деревянная перекладина. Под прозрачным листом висело объявление с сегодняшней датой.

Антон прочитал его дважды.

— Нет, — сказал он негромко.

Семён ещё растёгивал пояс и не видел текста. Потом подошёл.

Верхний переход через Седловину закрыт. На участке у Глухого лога разрушена полка тропы и повреждена опора пешеходного мостика. Проход запрещён до обследования и восстановления. Первое обследование назначено на четверг.

Из дома вышла женщина в высоких сапогах. На рукаве куртки была прямоугольная нашивка. Она несла две мокрые дощечки и явно собиралась заниматься ими, а не людьми.

— На Седловину? — спросила она.

Антон кивнул.

— Я Нина Грачёва, инспектор. К сожалению, сегодня туда никого.

— Мы в пятницу смотрели. Было открыто.

— В пятницу было. Вот в четыре утра и закрылось.

Она поставила дощечки под стену, достала телефон. На фотографии тропа обрывалась у свежего рыжего среза; дальше, за провалом, продолжалась тонкой полосой. На втором снимке один край небольшого мостика лежал ниже другого. Нина увеличила фотографию, показывая опору.

— Это ребята с дальней стороны прислали. Они там остались на площадке, возвращаются к Каменному Двору. С нашей стороны уже вывесили предупреждения.

Антон приблизил лицо к экрану. По выражению Нины было видно, что за сегодняшнее утро она показывала снимок не впервые.

— Обойти сам лог нельзя?

— Вокруг разрушенного места размеченного прохода нет. Открыт южный путь через Кедровку. Сейчас покажу.

Она не стала объяснять ему, как следует относиться к разочарованию. Просто подвела к щиту и провела пальцем вниз от кордона, потом вправо, по длинной петле.

Семён смотрел на таблички с расстояниями. Антон — на изгибы линий.

От кордона до Каменного Двора верхом было тридцать два километра. Южным путём — семьдесят два.

— Сорок сверху, — сказал Семён.

Нина кивнула.

— А в четверг точно откроете? — спросил Антон.

— В четверг должны посмотреть. Может, после осмотра понадобится ещё неделя. Я бы на открытие билет не покупала.

Они отошли от щита. Антон развернул бумажную карту, и Семён придержал сгиб, который всё время вставал домиком. Слева за переключиной лежала та самая тропа: совершенно целая здесь, у кордона, с мягкими иглами и двумя белыми камнями. По ней очень хотелось идти, пока она ещё такая.

Антон указал на южную дорожку. Она спускалась за ручей и исчезала в светлом березняке.

— Там тоже можно пройти насквозь.

Семён посмотрел на часы, потом снова на карту.

— Можно. Нам сначала нужно поесть.

Антону показалось, что его перебили в неподходящий момент. Он уже представлял расстояния, хотел сложить день с днём, найти решение, пока оно не рассыпалось. Семён убрал руку с карты; сгиб поднялся.

— Я не отказываюсь, — сказал он. — Я с девяти ничего не ел. Если сейчас начну выбирать, выберу ближайшую лавку.

Они сели под навесом дровяника. Нина разрешила набрать воду и поставила на перила лист с описанием обхода. В Кедровке магазин и комнаты для ночлега, в Мостовом автобусная остановка, в Каменном Дворе открытый туристический навес. Сама она вернулась к дощечкам: на одной следовало обновить стрелку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.